

Архимандрит Павел (Груздев)
Баллада о седых

Говорят, нынче в моде седые волосы,
И «седеет» безумно молодость.
И девчонка лет двадцати
Может гордо седою пройти.
Но какому кощунству в угоду,
И кому это ставить в вину.
Как нельзя вводить горе в моду,
Так нельзя вводить седину.
Память, стой, замри! Это надо.
То из жизни моей - не из книжки...
Из блокадного Ленинграда
Привезли седого мальчишку.
Я смотрела на чуб с перламутром
И в глаза его очень взрослые.
Среди нас он был самым мудрым,
Поседевший от горя подросток.
А ещё я помню солдата.
Он был контужен взрывом гранаты.
И оглох... И навек онемел...
Вот тогда, говорят, поседел.
О, седая и мудрая старость.
О, седины неравных боёв.
Сколько людям седин досталось
От неотданных городов.
А от тех, что пришлось отдать -
Поседевших не сосчитать.
Говорят, нынче в моде седИны...
Нет, не мода была тогда:
В городах седые дымины,
И седая в селе лебеда.
И седые бабы-вдовицы,
И глаза, седые от слёз,
И от пепла седые лица
Над холмом поседевших берёз.
Пусть сейчас не война... Не война...
Но от горя растёт седина.
... Эх ты, модница, злая молодость.
Над улыбкой седая прядь...
Это даже похоже на подлость...
За полтинник седою стать.
... Я не против дерзости в моде,
Я за то, чтобы модною слыть.
Но седины, как славу, как орден
Надо, выстрадав, заслужить!...

Роберт Рождественский

*

Школьным учителям
Удачи вам, сельские и городские
Уважаемые учителя!
Добрые, злые и никакие
Капитаны на мостике корабля.
Удачи вам, дебютанты и асы, удачи!
Особенно по утрам,
Когда вы входите в школьные классы,
Одни – как в клетку,
Другие – как в храм.
Удачи вам, занятые делами,
Которых не завершить всё равно.
Крепко скованные инструкций кандалами
И окриками из РОНО.
Удачи вам, по-разному выглядящие,
С затеями и без всяких затей,
Любящие или же ненавидящие
Этих – будь они трижды! – детей...
...Вы знаете,
Мне по-прежнему верится,
Что, если останется жить земля, -
Высшим достоинством Человечества
Станут когда-нибудь учителя!
Не на словах, а по вещи традиции,
Которая завтрашней жизни под стать,
Учителем надо будет родиться.
И только после этого стать!
Он, даже если захочет, не спрячется:
На него, идущего ранней Москвой,
Станут прохожие оборачиваться,
будто на оркестр духовой!
В нём будет мудрость талантливо-дерзкая.
Он будет солнце нести на крыле...
Учитель – профессия дальнего действия,
Главная на Земле.

Александр Пушкин

Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Сергей Есенин
Песнь о хлебе

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания людей!
Режет серп тяжелые колосья
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп — овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепями маленькие кости
Выбирают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят, по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

Николай Некрасов

Мороз-воевода

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Михаил Лермонтов

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю - за что, не знаю сам
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям;
Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Фёдор Тютчев
В деревне

Что за отчаянные крики,
И гам, и трепетанье крыл?
Кто этот гвалт безумно дикий
Так неуместно возбудил?
Ручных гусей и уток стая
Вдруг одичала и летит.
Летит - куда, сама не зная,
И как шальная голосит.

Какой внезапною тревогой
Звучат все эти голоса!
Не пес, а бес четвероногий,
Бес, обернувшийся во пса,
В порыве буйства, для забавы,
Самоуверенный нахал,
Смутил покой их величавый
И их размыкал, разогнал!

И словно сам он, вслед за ними,
Для довершения обид,
С своими нервами стальными,
На воздух взвившись, полетит!
Какой же смысл в движенье этом?
Зачем вся эта трата сил?
Зачем испуг таким полетом
Гусей и уток окрылил?

Да, тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой,
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой.
И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца,
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.

Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков,-
Но тот же современный гений
Всегда их выяснить готов.
Иной, ты скажешь, просто лает,
А он свершает высший долг -
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк.

Афанасий Фет
Старые письма

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Всё, что давно-давно, утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречаются взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.

А я доверился предательскому звуку,-
Как будто вне любви есть в мире что-нибудь!-
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь.

Зачем же с прежнею улыбкой умиленья
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоет этих строк и жгучая слеза.

Александр Пушкин
Зимний вечер

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.
Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Саша Черный

Зимою всего веселей

Зимою всего веселей

Сесть к печке у красных углей,

Лепешек горячих поесть,

В сугроб с голенищами влезть,

Весь пруд на коньках обежать

И бухнуться сразу в кровать.

Весною всего веселей

Кричать средь зеленых полей,

С барбоской сидеть на холме

И думать о белой зиме,

Пушистые вербы ломать

И в озеро камни бросать.

А летом всего веселей

Вишневый обкусывать клей,

Купаясь, всплывать на волну,

Гнать белку с сосны на сосну,

Костры разжигать у реки

И в поле срывать васильки...

Но осень еще веселей!

То сливы срываешь с ветвей,

То рвешь в огороде горох,

То взроешь рогатиной мох...

Стучит молотилка вдали — И рожь на возах до земли...

Баратынский Евгений Абрамович
Падение листьев

Желтел печально злак полей.
Брега взрывал источник мутный,
И голосистый соловей
Умолкнул в роще бесприютной.
На преждевременный конец
Суровым роком обреченный,
я так молодой певец,
С дубравой, сердцу драгоценной:
"Судьба исполнилась моя,
Прости, убежище драгое!
О прорицанье роковое!
Твой страшный голос помню я:
"Готовься, юноша несчастный!
Во мраке осени ненастной
Глубокий мрак тебе грозит,
Уж он зияет из Эрева,
Последний лист падет со древа -
Твой час последний прозвучит!"
И вяну я: лучи дневные
Вседневно тягче для очей;
Вы улетели, сны златые
Минутной юности моей!
покину все, что сердцу мило.
Уж мглою небо обложило,
Уж поздних ветров слышен свист!
Что медлить? Время наступило:
Вались, вались, поблеклый лист!
Судьбе противиться бессильный,
Я жажду ночи гробовой.
Вались, вались! Мой холм могильный
От грустной матери сокрой!
Когда ж вечернею порою
К нему пустынною тропою,
Вдоль незабвенного ручья,
Придет поплакать надо мною
Подруга нежная моя,
Твой легкий шорох в чуткой сени,
На берегах Стигийских вод,
Моей обрадованной тени
Да возвестит ее приход!"
Сбылось! Увы! судьбины гнева
Покорством бедный не смягчил,
Последний лист упал со древа -
Последний час его пробил.
Близ рощи той его могила!
С кручиной тяжкою своей
К ней часто мать приходила...
Не приходила дева к ней!

Валерий Брюсов
Вечерний прилив

Кричат афиши, пышно-пестрые,
И стонут вывесок слова,
И магазинов свету острому
Язвят, как вопли торжества.

Там спят за стеклами материи,
Льют бриллианты яркий яд,
И над звездой червонцев - серии
Сияньем северным горят.

Прорезан длинными колодцами
Горящих улиц, - город жив,
Киша бессчетными уродцами,
Вечерний празднует прилив.

Скрыв небеса с звездами чуткими,
Лучи синеют фонарей -
Над мудрецами, проститутками,
Над зыбью пляшущих людей.

Кадрилей нарушая линии,
Меж пар кружащихся - звеня,
Трамваи мечут молнии синие,
Автомобили - снопы огня.

Позор, под музыку колесную,
Вознес смычок, как дирижер,
И слил толпу многоголосную
В единый и священный хор:

"Мы славим, Прах, Твое Величество,
Тебе ведем мы хоровод,
Вкруг алтарей из электричества,
Вонзивших копыя в небосвод!"

Василий Жуковский
Таинственный посетитель

Кто ты, призрак, гость прекрасный?

К нам откуда прилетал?

Безответно и безгласно,

Для чего от нас пропал?

Где ты? Где твое селенье?

Что с тобой? Куда исчез?

И зачем твое явление

В поднебесную с небес

Не надежда ль ты младая,

Приходящая порой

Из неведомого края

Под волшебной пеленой?

Как она, неумолимо

Радость милую на час

Показал ты с нею мимо

Пролетел и бросил нас.

Не Любовь ли нам собою

Тайно ты изобразил?..

Дни любви, когда одною

Мир для нас прекрасен был,

Ах! тогда сквозь покрывало

Неземным казался он...

Снят покров; любви не стало;

Жизнь пуста, и счастье - сон.

Не волшебница ли Дума

Здесь тебе явилась нам?

Удаленная от шума,

И мечтательно к устам

Приложила перст, приходит

К нам, как ты, она порой,

И в минувшее уводит

Нас безмолвно за собой.

Иль тебе сама святая

Здесь Поэзия была?..

К нам, как ты, она из рая

Два покова принесла:

Для небес лазурно-ясный,

Чистый, белый для земли:

С ней все близкое прекрасно;

Все знакомо, что вдали,

Иль Предчувствие сходило

К нам во образе твоём

И понятно говорило

О небесном, о святом?

Часто в жизни так бывало:

Кто-то светлый к нам летит,

Подымает покрывало

И в далекое манит.

Михаил Ломоносов
Ночною темнотою...

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятной перервался
В начале самом сон.
"Кто так стучится смело?" -
Со гневом я вскричал.
"Согрей обмерзло тело, -
Сквозь дверь он отвечал. -
Чего ты утрашился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу".
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медлиши нимало
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
Досуха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
"Каков-то, - молвил, - лук,
В дожде, чать, повредился".
И с словом стрёлил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко засмеялся
И тотчас заплясал.
"Чего ты испугался? -
С насмешкою сказал. -
Мой лук еще годится,
И цел и с тетивой:
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой".